ЧЕЧЕРИНСКИЙ РАЙОН
г. Москва

23 АБТ 1986

Наши публикации

Через несколько дней замечательному мастеру советской сцены народной артистке СССР Ф. Г. Раневской исполнилось бы 90 лет. В издательстве «Искусство» готовится к печати книга воспоминаний о выдающейся актрисе. В сборник включены и статьи о творчестве Ф. Раневской, напечатанные в различные годы в периодической печати.

Издание иллюстрируется большим количеством снимков, принадлежащих главным образом фотографу Театра имени Моссовета В. Петрусовой.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей воспоминания о встречах с Ф. Раневской заслуженного деятеля искусств РСФСР, директора Театра имени Моссовета Л. Лосева.

НЕПОВТОРИМАЯ РАНЕВСКАЯ

Лев ЛОСЕВ

1.

Много еще напишут книг, исследований, посвященных Фаине Георгиевне Раневской, но пока не истерлись подробности в нашей памяти, в памяти людей, которые были рядом с ней много лет, мне думается, эта книга, которую мы задумали в Театре имени Моссовета, будет иметь особое значение и особую ценность. Может быть, нам удастся в какой-то, пусть малой, степени воссоздать для людей, которые не были знакомы с Фаиной Георгиевной, личность этой необыкновенной актрисы и человека необыкновенного.

Мне повезло: я работал рядом с Иваном Николаевичем Берсеневым, Гиацинтовой Софьей Владимировной, Бирман Серафимой Яковлевной, Юрием Александровичем Завадским. Но самое сильное впечатление — это впечатление от Фаины Георгиевны.

Вот лежат передо мной записки, письма Фаины Георгиевны ко мне, директору театра. Все они сердиты, все они взволнованы, требовательны... Быстро прошли эти 15 лет... А читаешь ее записки — и кажется, что годы эти были большими-большими, значительными...

Вот фотографии ее. Она дарила всегда одну и ту же свою фотографию «со взглядом Моны Лизы». Это портрет ее из спектакля «Дальше — тишина». Когда она была в хорошем расположении духа, тут же из ящика стола вынимала открытку — фотографию работы Петрусовой Веры Семеновны, и писала теплое, доброе пожелание. Таких фотографий у меня хранится несколько.

Говорят — нет незаменимых. Но есть неповторимые. Фаина Георгиевна была неповторима. У нее не было учеников, она учила примером. Когда вечером шел ее спектакль, весь театр находился в каком-то особом состоянии, состоянии возбуждения: проветривали зрительный зал, прибирали ее гримерную, смотрели — все ли там в порядке, помощник режиссера приходил заранее и следил за тем, чтобы сцена была обильно полита водой — Фаина Георгиевна страдала в последнее время болезнью бронхов и не терпела пыли на сцене.

2.

А если происходила какая-то, как мы говорим, накладка, какой-то сбой — тут ее охватывал гнев. Она не сердилась, она гневалась. Она требовала наказать виновного. Вот одна из ее записок, которая заканчивается словами: «Я не желаю участвовать в халтуре, директор!».

В театр она приходила задолго до начала спектакля — часа за два. Иногда просила, чтоб ее перед спектаклем на машине провезли по городу. В этой поездке ее сопровождал любимый пес Мальчик, с которым она не расставалась. Потом она садилась за гримировальный столик и неторопливо начинала готовиться к спектаклю: ставила перед собой фотографии близких людей. Там была и знаменитая провинциальная актриса, мать нашего режиссера, Ирины Сергеевны Анисимовой-Вульф, которую Фаина Георгиевна считала своей учительницей — Павла Леонтьевна Вульф, там была и фотография внука И. С. Анисимовой-Вульф, которого она считала своим близким родственником, были там и другие фотографии. Когда все это, весь иконостас был установлен — она успокаивалась и медленно начинала готовиться к спектаклю. Гримом почти не пользовалась. У нее была губная помада, при помощи которой она делала цвет лица наиболее подходящим для роли. И обязательно французские духи. Это обязательно.

Был почти обычай в театре — зайти к ней в гримерную перед спектаклем и справиться о ее здоровье. Когда я заглянул к ней — это была весна 1970 года — с тем, чтобы узнать, как она себя чувствует, она — глядя в зеркало и не поворачиваясь ко мне, сказала, что чувствует себя отвратительно. Она любила повторять: «Мне надоело симулировать здоровье». Я ей сказал, что уже весна, скоро здоровье поправится. «Я не люблю весны, весной я болен — это сказал мой любимый поэт», — заявила она. Вот так. «Я не люблю весны, весной я болен».

Артисты называли ее ласково «Фуфа», а молодого, красивого Бероева,

3.

который выводил ее шикарно на поклон после спектакля «Странная миссис Сэвидж», артисты в шутку называли «Фуфовоз». Юрий Александрович Завадский называл ее просто Фаина.

Первый разговор мой с Юрием Александровичем после вступления моего в должность директора был о Фаине Георгиевне. Он сказал: «Фаине необходима работа. Пожалуйста, прочитайте пьесу «Дальше — тишина», подумайте, кого бы из режиссеров можно пригласить».

Я позвонил Фаине Георгиевне, сказал, что прочитал пьесу, сказал, что пьеса очень хорошая. Она возразила: «Это неправда. Это достаточно средняя пьеса. Но спектакль может получиться». Выяснилось, что она уже предлагала поставить эту пьесу М. Ромму, с которым она сотрудничала в свое время в кино. Это же предложение она делала И. Туманову, который по другой причине не дал согласия ставить этот спектакль. Я предложил кандидатуру Анатолия Васильевича Эфроса.

Анатолий Васильевич прочитал пьесу: «Она, действительно, средняя, но поставить ее можно. Необходимо размыть голливудские ходы, — так он сказал. — Спектакль может получиться интересным».

Через некоторое время он начал осуществлять постановку пьесы «Дальше — тишина». В этом спектакле Фаина Георгиевна будет иметь в течение 15 лет огромный успех. В этой роли ей суждено было выйти на сцену в последний раз. Было это 24 октября 1982 года.

Первоначальное название пьесы, которая была сделана по киносценарию, было «Уступите место завтрашнему дню». С таким названием вышел фильм в Америке, который большого успеха не имел. Фаина Георгиевна попросила найти другое, более точное название. После довольно продолжительных поисков Анатолий Васильевич предложил назвать спектакль «Дальше — тишина», взяв в название последнюю реплику Гамлета.

Работа над спектаклем шла доста-

4.

точно сложно. Фаине Георгиевне все время что-то мешало, то казалось, что режиссер не очень ее понимает, то бог знает какие декорации сделал художник. Она писала мне свои короткие записки, требуя, чтоб я уговорил художника изменить декорации. «Почему такое огромное нагромождение вещей на комод, — говорила она. — Я не могу смотреть, как велосипед общается с детской коляской! Пожалуйста, примите меры — убедите художника, что такие декорации быть не могут!» — и так далее, и так далее. Повторяю, работа над спектаклем была непростой. Да и как могло быть иначе, когда талантливый режиссер, имея свой замысел, хотел подчинить ему всех участников спектакля. И если Плятт шел за ним легко, просто, доверчиво — такова уж творческая натура Ростислава Яновича, то Фаина Георгиевна такую манеру не признавала. Она творила самостоятельно, создавая сама свое. И многое, что ей предлагалось режиссером, ее не устраивало, казалось, что ей мешают, что это совсем не то, что она хотела бы, и, естественно, работа была сложной.

Она любила повторять: «Послушайте, директор. Вы знаете, ведь мне осталось жить всего сорок минут. Когда же мне все-таки дадут сыграть интересную роль?». И когда ей прислали пьесу Ануя «Ужин в Санлисе», где была, как мне кажется, прелестная роль старой актрисы, чрезвычайно изящная, небольшая, она прочитала эту пьесу и, когда я ей позвонил и спросил, каково ее мнение, она сказала: «Дорогой мой! Представьте себе, что голодному человеку предложили монпансье. Вы меня поняли? Привет!». Ту-ту-ту-ту.

А в следующий раз, когда ей была послана пьеса другого автора, нашего современника, я получил такую записку: «Здравствуйте, Лев Федорович! Очень огорчена тем, что я от комедии далеко не в экстазе, а даже наоборот. Ждала ее с таким нетерпением! Тяжело всякое разочарование! Привет. Ф. Раневская».

19